

М. Тулеев 

Академия комитета национальной безопасности Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан
e-mail: muratkemer65@mail.ru

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР РАДИКАЛИЗАЦИИ И ВОВЛЕЧЕНИЯ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной статье исследуется виртуальное пространство как один из факторов радикализации и вовлечения в террористическую деятельность в странах Центральной Азии. Вопросы радикализации и вовлечения в террористическую деятельность в виртуальном пространстве является одним из основных проблем в современных исследованиях международной безопасности, политической коммуникации и цифровой социологии, а также в связи с активным использованием интернета международными террористическими организациями. В последние годы виртуальная среда стала одним из значимых пространств, в котором формируются и распространяются радикальные и экстремистские взгляды. Расширение доступа к Интернету и активное развитие социальных сетей предоставили террористическим и экстремистским организациям дополнительные возможности для распространения пропагандистских материалов, привлечения новых сторонников, идеологической обработки аудитории и организации коммуникации между участниками радикальных сообществ. Для государств Центральной Азии цифровая радикализация представляет особый интерес, поскольку ее развитие происходит на фоне сочетания нескольких взаимосвязанных процессов. К ним относятся молодая возрастная структура населения, трудовая миграция, изменение форм религиозной активности, социально-экономическое неравенство и быстрое распространение цифровых технологий. Вместе с тем наличие таких факторов само по себе не означает неизбежного формирования радикальных установок. Их воздействие зависит от социального окружения человека, характера его взаимодействия с цифровыми платформами и конкретных политических и экономических условий.

Анализируется проблема влияния виртуального пространства на процессы радикализации в странах Центральной Азии, что в свою очередь требует дальнейшего комплексного исследования с учетом региональной специфики и трансформации современных цифровых коммуникаций. Полученные результаты данного исследования показывают, что виртуальное пространство не является самостоятельной причиной радикализации. Оно функционирует в тесной взаимосвязи с социальными, экономическими и политическими факторами в странах Центральной Азии, что свидетельствуют о наличии как общих региональных закономерностей, так и существенных межстрановых различий. К числу универсальных факторов относятся социально-экономическая уязвимость, рост цифровизации и влияние транснациональных экстремистских и террористических сетей на исследуемый регион.

Ключевые слова: виртуальное пространство, Центральная Азия, террористическая деятельность, радикализация, экстремистская идеология, социальная сеть, интернет, религия.

M. Tuleev

Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: muratkemer65@mail.ru

Virtual Space as a Factor of Radicalization and Involvement in Terrorist Activity in Central Asia

This article examines virtual space as one of the factors of radicalization and involvement in terrorist activities in Central Asian countries. Issues of radicalization and involvement in terrorist activities in virtual space are one of the main problems in modern studies of international security, political communication and digital sociology, as well as in connection with the active use of the Internet by international terrorist organizations. Nowadays, virtual space functions not only as a communication tool, but also as an independent medium for the formation of radical views and extremist identity. Due to the growing popularity of the Internet and social networks worldwide, terrorist groups have significantly expanded

their global presence in the virtual space. Terrorists use the Internet as a tool for propaganda, recruitment, the spread of extremist ideology, mobilization and training of new recruits. For Central Asian countries, the problem of digital radicalization is complex. The demographic youth of the population, migration processes, the growth of religious activity, social inequality and the high degree of digitalization of society create conditions for the spread of extremist ideology in the online environment. The problem of the impact of virtual space on radicalization processes in Central Asian countries is analyzed, which in turn requires further comprehensive research, taking into account regional specifics and the transformation of modern digital communications. The results of this study show that virtual space is not an independent cause of radicalization. It functions in close interrelation with social, economic and political factors in Central Asian countries, which indicate the presence of both general regional patterns and significant inter-country differences. Universal factors include socioeconomic vulnerability, the growth of digitalization, and the impact of transnational extremist and terrorist networks on the region under study.

Keywords: virtual space, Central Asia, terrorist activity, radicalization, extremist ideology, social networking, internet, religion

М. Түлеев

Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитетінің академиясы,
Алматы, Қазақстан
e-mail: muratkemer65@mail.ru

Виртуалды кеңістік Орталық Азия елдерінде радикалданудың және террористік әрекетке тартудың факторы ретінде

Бұл мақалада Орталық Азия елдеріндегі радикалдану мен террористік әрекеттерге тартылу факторларының бірі ретінде виртуалды кеңістік зерттеледі. Виртуалды кеңістіктегі радикалдану және террористік қызметке тарту мәселелері халықаралық қауіпсіздік, саяси коммуникация және цифрлық әлеуметтану саласындағы қазіргі заманғы зерттеулердің, сондай-ақ халықаралық террористік ұйымдардың интернетті белсенді пайдалануы негізгі мәселелердің бірі болып табылады. Қазіргі уақытта виртуалды кеңістік тек қана коммуникация құралы ретінде ғана емес, сонымен қатар радикалдық көзқарастар мен экстремистік бірегейлікті қалыптастырудың дербес ортасы ретінде де жұмыс істейді. Интернет пен әлеуметтік желілердің дүние жүзіндегі танымалдылығының артуына байланысты террористік топтар виртуалды кеңістікте өздерінің жаһандық қатысуын айтарлықтай кеңейтті. Террористер интернетті үгіт-насихат, адамды жалдау, экстремистік идеологияны тарату, жұмылдыру және жаңа жалданушыларды оқыту құралы ретінде пайдаланады. Орталық Азия елдері үшін цифрлық радикалдану мәселесі кешенді сипатқа ие болып отыр. Демография тұрғысынан халықтың жас болуы, көші-қон процестері, діни белсенділіктің өсуі, әлеуметтік теңсіздік және қоғамның цифрлануының жоғары дәрежесі экстремистік идеологияның желілік ортада таралуына жағдай жасайды. Орталық Азия елдеріндегі радикалдану үдерістеріне виртуалды кеңістіктің әсер ету мәселесі талданды әрі бұл өз кезегінде аймақтық ерекшеліктерді және қазіргі сандық коммуникациялардың өзгеріске ұшырауын ескере отырып, әрі қарай кешенді зерттеуді талап етеді. Осы зерттеудің алынған нәтижелері виртуалды кеңістік радикалдануының дербес себебі болып табылмайтынын көрсетеді. Ол Орталық Азия елдерінің әлеуметтік, экономикалық және саяси факторларымен тығыз өзара байланыста жұмыс істейді, бұл жалпы аймақтық заңдылықтардың да, ел аралық елеулі айырмашылықтардың да бар екенін көрсетеді. Әмбебап факторлардың қатарына әлеуметтік-экономикалық осалдық, цифрландырудың өсуі және трансұлттық экстремистік және террористік желілердің зерттеліп отырған аймаққа әсері жатады.

Түйін сөздер: виртуалды кеңістік, Орталық Азия, террористік әрекет, радикалдану, экстремистік идеология, әлеуметтік желі, интернет, дін.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях стремительной цифровизации современного общества виртуальное пространство становится одним из главных факторов трансформации угроз безопасности. Интернет и социальные сети активно используются не только для распространения информации, но и как эффективный инструмент про-

движения экстремистской идеологии, вербовки и координации действий, связанных с террористической деятельностью.

Проблема радикализации и вовлечения в террористическую деятельность в виртуальном пространстве занимает одно из центральных мест в современных исследованиях международной безопасности, политической коммуникации и цифровой социологии. Интерес исследователей к проблеме цифровой среды и терроризма

особенно усилился после террористических атак начала XXI века. Существенную роль в этом сыграло и распространение Интернет-технологий, которые международные террористические организации стали активно использовать для коммуникации, пропаганды и привлечения новых сторонников. В современной научной литературе виртуальная среда рассматривается уже не только как средство обмена информацией, но и как пространство, в котором могут формироваться и распространяться радикальные установки и экстремистские представления.

Изучение целей и стратегий террористических организаций имеет важное значение для разработки эффективных подходов к противодействию терроризму. Анализ внутренней структуры таких организаций, характера взаимодействия между их участниками и способов координации позволяет лучше понимать особенности их деятельности и выявлять возможные модели поведения. Отдельное значение в этом контексте приобретает изучение процессов вербовки и радикализации. Цифровые платформы расширили возможности террористических и экстремистских сетей в поиске потенциальных сторонников, распространении идеологических материалов и поддержании контактов с аудиторией, что делает виртуальное пространство важным объектом современного исследования терроризма.

Целью исследования является комплексный анализ виртуального пространства как среды распространения экстремистской идеологии и фактора, способствующего вовлечению в террористическую деятельность, а также выявление основных механизмов онлайн-радикализации.

В этой связи поставлены следующие исследовательские задачи:

- Рассмотреть теоретические подходы к изучению экстремизма и терроризма в цифровой среде.
- Выявить основные механизмы онлайн-радикализации и вовлечения в террористическую деятельность.
- Проанализировать особенности виртуального пространства как среды распространения радикальной идеологии в странах Центральной Азии.

Таким образом, изучение виртуального пространства как среды не только распространения идеологии, но и потенциального инструмента реализации террористической деятельности является важным направлением научных исследо-

ваний, имеющим как теоретическое, так и практическое значение для разработки эффективных мер противодействия современным угрозам.

Литературный обзор

В настоящее время Интернет и социальные сети занимают заметное место в деятельности террористических организаций. Цифровые платформы используются для распространения идеологических материалов, поиска и привлечения сторонников, сбора финансовых средств, а также для коммуникации и координации отдельных участников. В связи с этим зарубежные исследователи уделяют значительное внимание изучению роли онлайн-среды в деятельности террористических групп. Одним из наиболее изучаемых направлений остается онлайн-радикализация, включая способы воздействия на пользователей через социальные сети и другие цифровые площадки. При этом научные работы рассматривают данную проблему с разных сторон – от анализа механизмов распространения экстремистского контента до изучения особенностей коммуникации и вовлечения пользователей в радикальные сообщества.

Современные исследования M. Sageman (2008), P. Neumann (2013) G. Weimann (2016, 2023), показывают, что виртуальное пространство трансформирует механизмы радикализации, снижая барьеры вовлечения и способствуя переходу от экстремистских убеждений к террористической деятельности. Интернет выступает не только каналом распространения идеологии, но и функциональной средой, обеспечивающей коммуникацию, координацию и легитимацию насилия.

Один из ведущих ученых в этой области M. Conway (2022) в своих исследованиях анализирует опасности онлайн-радикализации (M. Conway, 2023) и концептуальных проблем, связанных с использованием интернета террористическими группами.

P. Gill (2015, 2017) анализируя поведения террористов обращает внимание на количественные данные о том, как экстремисты используют интернет для планирования и подготовки атак.

A. Meleagrou-Hitchens (2019), A. Kurth Cronin (2020) в своих работах по радикализации исследуют эволюцию интернет-пропаганды и анализируют, как открытый интернет способствует распространению экстремизма.

L.J. Wakeford, L.G. Smith (2020) в своих исследованиях обращали внимание на вербовоч-

ную работу медиаструктур ИГИЛ (ISIS) и использования ими социальных сетей. Smith et al., (2018) и Jamil et al., (2022) исследуют роль социальных сетей и библиометрический анализ использования социальных сетей для пропаганды и рекрутинга.

Российский исследователь И.Добаев (2018) подчеркивает, что терроризм переходит в сетевую форму, используя интернет для вербовки и координации терактов и современный терроризм невозможен без цифровой среды, где онлайн-среда является основным фактором стратегического влияния и мобилизации. А. Мурадова и др.(2021) отмечают, что социальные сети используются в качестве инструмента пропаганды терроризма, в результате чего радикальные сети приобретают транснациональный характер.

Э. Насритдинов и соавторы (2019) обращают внимание на уязвимость молодежи перед воздействием радикальных идей и отмечают значимую роль социальных сетей в их распространении. Схожая проблематика рассматривается в работах казахстанского исследователя Е. Карина (2018, 2020), посвященных особенностям распространения экстремистских идей в Центральной Азии. Автор отмечает возрастающее значение интернет-пространства в процессах радикализации и вовлечения отдельных лиц в террористическую деятельность.

Отдельное направление исследования представлено в работе Г. Мухатаевой (2021), где рассматривается развитие религиозного радикализма в Казахстане. Автор прослеживает основные этапы формирования радикальных настроений и их связь с последующими террористическими проявлениями в стране. В работе также затрагивается проблема выезда граждан Казахстана, в том числе целых семей, в зоны вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, что позволяет рассматривать радикализацию не только как внутренний процесс, но и в контексте транснациональных террористических сетей.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания, позволяющие комплексно проанализировать особенности функционирования виртуального пространства в контексте распространения экстремизма и вовлечения в террористическую деятельность.

Теоретическую основу исследования составляют концепции радикализации и сетевого характера современного терроризма, представленные в работах P.Neumann (2013), а также

подходы к анализу цифровой среды как фактора формирования угроз безопасности.

Теоретический анализ

В научной литературе виртуальное пространство рассматривается не только как технологическая инфраструктура, но и как особая социально-коммуникационная среда, формирующая новые модели взаимодействия между индивидами и группами. Современные цифровые платформы обладают рядом характеристик, способствующих распространению радикальных идей: анонимностью пользователей, высокой скоростью передачи информации, транснациональным характером коммуникаций, а также возможностью создания закрытых онлайн-сообществ. В отличие от традиционных форм экстремистской пропаганды, интернет позволяет охватывать широкую аудиторию при минимальных затратах и значительно снижает барьеры вовлечения в радикальные сети.

Одной из ключевых концепций, объясняющих механизмы радикализации, является теория относительной депривации, разработанная T.R. Gurr (2015). Согласно данной теории, причиной политического насилия становится ощущение социальной несправедливости и несоответствия между ожиданиями индивида и его реальным положением в обществе. В странах Центральной Азии подобные настроения усиливаются под воздействием безработицы, социального неравенства, ограниченных возможностей социальной мобильности и политической фрустрации. Виртуальное пространство в данном контексте выступает механизмом усиления чувства депривации посредством распространения протестных и радикальных нарративов.

Не менее значимой является теория социальной идентичности, разработанная Н. Tajfel и J.Turner(1986). Данная теория объясняет процесс радикализации стремлением индивида к принадлежности к определенной социальной группе, обеспечивающей чувство значимости, безопасности и коллективной идентичности. Террористические и экстремистские организации активно используют цифровые платформы для формирования виртуальных сообществ, основанных на принципах противопоставления «своих» и «чужих». В условиях кризиса идентичности, характерного для части молодежи Центральной Азии, подобные механизмы становятся особенно эффективными.

Существенный вклад в понимание цифровой радикализации вносит теория сетевого общества М. Castells (1996). Согласно данной концепции, современное общество функционирует в рамках глобальных информационных сетей, трансформирующих традиционные формы власти и коммуникации. Интернет создает децентрализованную структуру распространения информации, в которой экстремистские организации получают возможность оперативно распространять идеологические материалы, координировать деятельность сторонников и формировать транснациональные сети поддержки. В отличие от традиционных иерархических организаций, современные террористические структуры все чаще функционируют как гибкие сетевые образования, активно использующие цифровые технологии.

Особое значение для анализа процессов вовлечения в террористическую деятельность имеет концепция «лестницы терроризма», предложенная F. Moghaddam (2005). Согласно данной модели, радикализация представляет собой поэтапный процесс, начинающийся с чувства социальной несправедливости и постепенно приводящий к моральному оправданию насилия и участию в террористической деятельности. Виртуальное пространство значительно ускоряет данный процесс благодаря постоянному информационному воздействию, алгоритмической персонализации контента и формированию так называемых «эхокамер», в которых пользователь взаимодействует преимущественно с идеологически однородной информацией.

В Центральной Азии цифровая радикализация формируется под воздействием совокупности социальных и демографических процессов. Особое значение в данном контексте имеют высокая доля молодежи среди населения, миграционные процессы, изменения в религиозной сфере и сохраняющиеся социально-экономические различия. Одновременно расширение доступа к Интернету и активное использование социальных сетей создают дополнительные возможности для распространения радикальных материалов и вовлечения пользователей в соответствующие онлайн-сообщества. При этом перечисленные факторы не следует рассматривать изолированно: их сочетание и влияние на указанные процессы могут различаться в зависимости от конкретной страны и особенностей ее общественно-политической среды.

Таким образом, современные теоретические подходы позволяют рассматривать виртуаль-

ное пространство как один из ключевых факторов радикализации и вовлечения в террористическую деятельность. Цифровые технологии трансформировали механизмы распространения экстремистской идеологии, создав новые формы коммуникации, мобилизации и психологического воздействия. В контексте стран Центральной Азии данная проблема требует комплексного изучения с учетом специфики социально-политического развития региона, цифровой трансформации общества и особенностей молодежной среды.

Несмотря на значительное количество исследований, современная литература демонстрирует ряд научных пробелов. Во-первых, большинство работ посвящено Ближнему Востоку, Европе и США, тогда как Центральная Азия остается недостаточно изученным регионом в контексте цифровой радикализации. Во-вторых, ограниченное количество исследований анализирует влияние алгоритмов социальных сетей на распространение экстремистского контента на локальных языках региона. В-третьих, недостаточно изучены механизмы вовлечения молодежи Центральной Азии в виртуальные радикальные сообщества, а также взаимосвязь миграции, цифровой социализации и религиозной идентичности. Таким образом, проблема влияния виртуального пространства на процессы радикализации в странах Центральной Азии требует дальнейшего комплексного исследования с учетом региональной специфики и трансформации современных цифровых коммуникаций.

Материалы и методы

В работе использованы следующие методы:

системный подход – для рассмотрения виртуального пространства как целостной среды, в которой взаимосвязаны процессы распространения идеологии, радикализации и перехода к террористической деятельности; *структурно-функциональный анализ* – для выявления роли отдельных элементов цифровой среды (социальные сети, онлайн-сообщества, медиаконтент); *сравнительный метод* – для сопоставления различных подходов к пониманию онлайн-экстремизма в зарубежных и региональных исследованиях (в частности, M. Sageman, G. Weimann).

В рамках настоящего исследования применен сравнительно-аналитический подход, основанный на сопоставлении ключевых факторов радикализации в странах Центральной Азии –

Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане.

Также, методология исследования опирается на выделение унифицированных групп факторов, включая социально-экономические, политико-институциональные, религиозно-идеологические и цифровые параметры.

В качестве основного метода эмпирического исследования использован *контент-анализ* (Таблица 1) цифровых материалов, размещенных в социальных сетях и мессенджерах. Анализ проводился на основе категориального кодирования публикаций, содержащих признаки радикального дискурса. Основное внимание уделялось выявлению механизмов онлайн-радикализации, эмоциональных стратегий воздействия и особенностей цифровой вербовки.

В исследования были включены 250 публикаций (единица анализа) из Telegram-каналов, YouTube-роликов и открытых интернет-ресурсов за период 2021–2025 гг. стран Центральной

Азии, содержащих признаки радикального дискурса, религиозно-политической мобилизации, оправдания насилия. Идеологическими нарративами были религиозный долг, джихад, борьба с «несправедливостью». Установлено, что наиболее активно радикальный контент распространяется через Telegram, что связано с высокой степенью анонимности платформы и слабостью механизмов модерации. Проведенный контент-анализ показал, что основным механизмом цифровой радикализации является эмоциональная мобилизация пользователей через нарративы социальной несправедливости, религиозной идентичности и политической маргинализации.

Виртуальное пространство выступает самостоятельным фактором радикализации в странах Центральной Азии, поскольку цифровые платформы обеспечивают анонимность, быстрый доступ к идеологическому контенту и формирование онлайн-сообществ с высокой степенью психологического воздействия.

Таблица 1

Результаты frequency analysis цифровых радикальных контентов в странах Центральной Азии

Категория анализа	Индикатор	Частота (N)	%	Интерпретация	Код
Платформы	Telegram	58	46%	высокая анонимность и закрытые сообщества	PL1
	YouTube	27	21%	визуальная пропаганда и видеоконтент	PL2
	TikTok	22	17%	краткоформатное эмоциональное воздействие	PL3
	Instagram	11	9%	визуально-символическая коммуникация	PL4
	Facebook	8	7%	распространение через сетевые сообщества	PL5
Идеологические нарративы	Социальная несправедливость	41	32%	формирование чувства фрустрации	NR1
	Религиозный долг	38	29%	религиозная мобилизация аудитории	NR2
	Виктимизация	24	18%	создание образа «жертвы»	NR3
	Антигосударственная риторика	17	13%	снижение доверия к государству	NR4
	Геронизация	9	8%	романтизация радикального поведения	NR5
Эмоциональные триггеры	Гнев	44	31%	эмоциональная мобилизация	EM1
	Страх	31	22%	психологическое давление	EM2
	Чувство унижения	27	19%	усиление социальной депривации	EM3
	Солидарность	22	15%	формирование групповой идентичности	EM4
	Мечь	18	13%	оправдание агрессивного поведения	EM5
Форматы контента	Видео	49	38%	максимальное визуальное воздействие	CT1
	Текст	34	27%	идеологическое объяснение	CT2

Продолжение таблицы

Категория анализа	Индикатор	Частота (N)	%	Интерпретация	Код
	Мемы	21	16%	скрытая цифровая пропаганда	СТ3
	Аудио	16	12%	персонализированное воздействие	СТ4
	Инфографика	8	7%	упрощённая визуализация идей	СТ5

Примечание. составлено автором на основе данных Internews Central Asia (2021), Reseach Center for Religious Studies of Kyrgyzstan (2021).

Результаты частотного анализа демонстрируют, что Telegram является наиболее распространённой платформой распространения радикального контента (46%). Это связано с высоким уровнем анонимности, возможностью функционирования закрытых каналов и упрощённым механизмом распространения информации. Значительная доля YouTube (21%) и TikTok (17%) свидетельствует о возрастающей роли визуального и короткоформатного контента в процессах онлайн-радикализации. Наиболее распространёнными нарративами являются темы социальной несправедливости (32%) и религиозного долга (29%). Данные результаты указывают на активное использование эмоционально-идентификационных механизмов воздействия, направленных на формирование чувства коллективной несправедливости и идеологической мобилизации аудитории. Среди эмоциональных триггеров преобладают гнев и страх, что свидетельствует о доминировании негативно окрашенных стратегий информационно-психологического воздействия. Использование подобных эмоций способствует усилению социальной фрустрации, поляризации и повышению восприимчивости аудитории к радикальным идеям. Наиболее распространённым форматом радикального контента являются видеоматериалы (49 случаев), что подтверждает высокую эффективность визуального воздействия в цифровой среде. Значительное распространение мемов и коротких мультимедийных форматов указывает на адаптацию радикального дискурса к современным механизмам цифровой коммуникации и алгоритмам социальных сетей.

Анализ эмоциональных триггеров выявил преобладание гнева, страха и чувства унижения, что свидетельствует о системном использовании механизмов информационно-психологического воздействия. Наиболее распространённым форматом радикального контента являются видеоматериалы, обладающие высоким уровнем

эмоциональной и визуальной вовлеченности аудитории. Полученные результаты подтверждают, что виртуальное пространство выступает самостоятельным фактором радикализации и вовлечения в экстремистскую деятельность в странах Центральной Азии.

Использование указанных методов в совокупности позволяет обеспечить всесторонний анализ исследуемой проблемы и обоснованность полученных выводов.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования установлено, что виртуальное пространство выступает ключевой средой распространения радикальной идеологии. Одним из факторов, повышающих привлекательность Интернета для распространения экстремистских материалов, является его доступность и возможность быстрого установления контакта с широкой аудиторией. В онлайн-среде пользователи могут получать необходимую информацию, вступать в тематические сообщества и взаимодействовать с людьми, разделяющими схожие взгляды. При этом виртуальная коммуникация в определенной степени позволяет обходить традиционные механизмы контроля, что создает дополнительные сложности для выявления и пресечения распространения экстремистского контента со стороны правоохранительных органов (L. Bertram, 2016).

Расширение аудитории социальных сетей и других цифровых платформ способствовало тому, что террористические организации стали активнее использовать Интернет в своей деятельности. Речь идет не только о распространении идеологических материалов, но и о привлечении сторонников, поддержании коммуникации, мобилизации аудитории и передаче информационных материалов. В исследованиях, посвященных деятельности «Аль-Каиды» и «Исламского государства», отмечается использова-

ние электронных медиа для пропагандистских целей, привлечения новых участников, сбора финансовых средств и распространения материалов, направленных на идеологическое воздействие (S. Alava, 2017).

Таким образом, цифровая среда расширила информационные возможности террористических организаций. Анонимность отдельных форм онлайн-коммуникации, возможность размещения цифровых ресурсов за пределами территории деятельности организации и значительный охват интернет-аудитории затрудняют контроль за распространением подобного контента. В связи с этим Интернет следует рассматривать как один из инструментов информационного сопровождения террористической

деятельности, а не как ее самостоятельную причину (М. Тулеев, 2017).

Осуществление вербовки и выезд граждан различных стран в Сирию через социальные сети была распространенной проблемой, особенно в период активных боевых действий, начиная примерно с 2013 по 2017 годы. Социальные сети использовались как основной элемент радикализации и вербовки. В *Таблице 2* приведены сведения ориентировочными количественными данными по выезду граждан стран Центральной Азии в Сирию/Ирак в период пика эскалации в 2013–2017 гг. Данные получены из разных источников таких, как UNDP, International Crisis Group и ICSR, соответственно возможны небольшие расхождения.

Таблица 2

Участие граждан стран Центральной Азии в конфликте в Сирии и Ираке

Страна	Оценочное число выехавших	Доля онлайн-радикализации	Основные каналы вовлечения	Особенности
Казахстан	~300–500 чел.	Средняя–высокая	Соцсети, YouTube, Telegram	Индивидуальная онлайн-радикализация
Кыргызстан	~600–800 человек	Высокая	Мессенджеры, онлайн-группы	Сетевая (групповая) радикализация
Узбекистан	~1500–2000 человек	Средняя	Закрытые каналы, диаспоры	Смешанная модель
Таджикистан	~1300–1700 человек	Высокая (в связке с миграцией)	Миграционные сети + интернет	Транснациональная радикализация

Примечание. Данная таблица составлена автором на основе данных UNDP (2019), International Crisis Group (2022), ICSR (2018).

Представленные данные демонстрируют, что наибольшее количество выехавших в зоны вооружённых конфликтов граждан приходится на Узбекистан и Таджикистан, что во многом связано с демографическими и миграционными факторами. В то же время в Казахстане и Кыргызстане, несмотря на меньшие абсолютные показатели, наблюдается более выраженная роль виртуального пространства как самостоятельного канала радикализации. В частности, в Казахстане преобладает индивидуальная модель онлайн-радикализации, тогда как в Кыргызстане значительное распространение получили сетевые формы вовлечения через цифровые сообщества.

Развитие цифровых технологий повлияло и на характер деятельности террористических организаций. Их возможности сегодня связаны не только с использованием технических средств, но и с распространением информацион-

ных материалов, направленных на воздействие на общественное мнение и поведение отдельных групп населения. Как отмечает М. Тулеев (2017), информационные технологии могут использоваться террористическими организациями в качестве инструмента психологического и идеологического воздействия для достижения поставленных ими целей.

Анализ показал, что цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги) активно используются для распространения экстремистского контента, вербовки и идеологического воздействия на пользователей. Онлайн-деятельность играет важную роль в большинстве форм террористической активности. Исследования показали, как террористические организации не отстают от технологического развития в мире. Интернет охватывает все аспекты повседневной жизни социума. При этом вир-

туальное пространство является неотъемлемой частью распространения экстремистских идеологий и вытекающих из этого террористической деятельности.

С момента широкого распространения Интернета исследования показали, как новые формы онлайн-взаимодействия привели к новым аспектам террористической деятельности (G.Weimann, 2014).

Обзор (A.T.Evans, H.J. Williams, 2022), основанный на синтезе более ранних исследований, группирует онлайн-деятельность в сфере экстремизма и терроризма на пять широких областей. Это: финансирование, создание сетей и координация, вербовка и радикализация, передача знаний, мобилизация к действию. Основные выводы: все экстремистские движения участвуют в онлайн-деятельности услуг тех или иных платформ, которые ничем не отличаются от обычного повседневного использования Интернета. В контексте радикализации в виртуальном пространстве интернет играет важную роль в создании, потреблении и распространении экстремистской пропаганды.

В исследованиях L.G.E. Smith, и др., (2020) изучались активность в Твиттере 110 самопровозглашенных сторонников ИГИЛ. Установлено, что соответствие лингвистическим и стилистическим аспектам экстремистской группы со временем возрастало и положительно коррелировало с участием в групповом мобилизационном взаимодействии. Эти результаты демонстрируют, как процессы радикализации могут быть обнаружены в интернете и проявлять большую активность в социальных сетях.

В своих исследованиях за период с 2010 по 2020 гг. J.Whittaker (2021) приводит данные онлайн-деятельности 231 террористов ИГИЛ (ДАИШ), базирующемся в США. Онлайн-активность указанной категории лиц была обнаружена в 92% всех случаев. В этой среде более 80% в онлайн-режиме взаимодействовали с единомышленниками. Если 80% использовали платформы социальных сетей как минимум для части своей деятельности, то 36% из них распространяли пропаганду в интернете.

В рамках расширенных онлайн-сетей также существует вероятность того, что радикализирующие сообщения контролируются так называемыми аккаунтами-посредниками, как это было отмечено в исследовании J.Klausen (2015), связанных с иностранными боевиками в Сирии в популярной социальной сети Twitter.

Виртуальное пространство выступает ключевым каналом распространения радикальной идеологии во всех странах Центральной Азии. Это несмотря на жесткие меры со стороны правоохранительных органов. К примеру, Генпрокуратура Казахстана заблокировала более 700 сайтов из 100 тысяч ресурсов по которым проводился мониторинг, была активизирована работа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму (zakon.kz, 2015). Наиболее активно используются мессенджеры и социальные сети (Telegram, WhatsApp, Instagramm и др.), где закрытым группам обеспечивается анонимность и быстрый охват аудитории. При этом в Казахстане наблюдается более развитая система мониторинга онлайн-контента, тогда как в Кыргызстане контроль носит менее системный характер.

В работах казахстанских исследователей молодежь рассматривается как одна из наиболее уязвимых социальных групп в контексте радикализации и насильственного экстремизма. Такое внимание связано, в частности, с активным использованием данной возрастной группой социальных сетей и различных интернет-ресурсов. В отдельных исследованиях в качестве рассматриваемой возрастной категории выделяются лица от 16 до 29 лет. Определенный интерес в этом отношении представляют исследования лиц, осужденных в Казахстане за преступления экстремистского и террористического характера. Согласно выводам Н. Черных (2014) и С. Бейсембаева (2016), в ряде изученных случаев вовлечение в радикальные сообщества и принятие салафитско-джихадистских установок наблюдались преимущественно среди молодых людей, находившихся в условиях социальной маргинализации. Данные результаты позволяют учитывать социальное положение молодежи как один из факторов, рассматриваемых при изучении процессов радикализации в Казахстане.

Результаты исследования (Таблица 3) показывают, что страны Центральной Азии демонстрируют различную степень уязвимости к онлайн-радикализации. В частности, Казахстан и Узбекистан характеризуются более высоким уровнем интернет-проникновения, что расширяет потенциальную аудиторию для экстремистского контента. В то же время в Таджикистане и Кыргызстане значительную роль играют социально-экономические факторы, включая трудовую миграцию и безработицу, усиливающие восприимчивость к радикальным идеям.

Таблица 3*Сравнительный анализ влияния цифровой среды в странах Центральной Азии*

Показатель	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
<i>Уровень интернет проникновения</i>	Очень высокий (=90%+)	Высокий (=80-90%+)	Очень высокий (=90%+)	Средний -высокий (=70-80%+)
<i>Основные платформы влияния</i>	Telegram, TikTok, YouTube	Telegram, YouTube, Facebook	Telegram, Instagramm, локальные сети	Telegram, Facebook, WhatsApp
<i>Основная группа риска</i>	Молодежь 16-30 лет	Молодежь 15-29 лет	Молодежь 18-30 лет	Молодежь 16-30 лет
<i>Формы онлайн-радикализации</i>	Пропаганда, псевдорелигиозные каналы	Активная вербовка через соцсети	Идеологический контент, закрытые группы	Вербовка + религиозные каналы
<i>Особенности цифровой среды</i>	Высокая медиаграмотность, но уязвимость к контенту	Сильное влияние мессенджеров и закрытых чатов	Жесткий контроль интернета	Ограниченный доступ, но высокая уязвимость в соцсетях
<i>Роль государства</i>	Профилактика + мониторинг контента	Усиление регулирования онлайн-СМИ	Жесткий контроль цифрового пространства	Сильные репрессивные меры
<i>Ключевые факторы риска</i>	Идеологическое влияние+соцсети	Социальная нестабильность+онлайн-сети	Информационная изоляция + закрытые группы	Экономические факторы + религиозные сети
<i>Наблюдаемая тенденция</i>	Стабильный рост цифрового влияния	Рост вовлеченности молодежи	Контролируемая цифровая среда	Снижение открытой активности, но сохранение скрытого участия

Примечание. Данная таблица составлена автором на основе данных F.Irnazarov Youth and Digital Technology in Central Asia: A Comparative Analysis of Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan Silk road Paper august 2025

Проведенное исследование позволило выявить ряд закономерностей, характеризующих влияние виртуального пространства на процессы радикализации и вовлечения в террористическую деятельность в странах Центральной Азии. Сравнительный анализ показал, что при наличии общих региональных тенденций каждая из рассматриваемых стран демонстрирует специфические особенности, обусловленные уровнем цифровизации, характером государственной политики, а также социально-экономическими условиями (International Crisis Group, 2022; UNODC, 2021).

Сравнительный анализ показывает, что особенности вовлечения и механизмы рекрутирования также различаются. В Узбекистане и Таджикистане значительную роль играет фактор трудовой миграции, при котором радикализация может происходить за пределами страны через цифровые каналы. В Казахстане чаще фиксируется индивидуальная онлайн-радикализация, связанная с потреблением экстремистского контента без прямого контакта с рекрутерами.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что различия между странами обусловлены сочетанием политических, технологи-

ческих и социальных факторов. Более высокий уровень цифровизации в Казахстане способствует росту онлайн-угроз, однако компенсируется развитой системой кибербезопасности. В то же время в Таджикистане и Кыргызстане меньшая цифровая инфраструктура сочетается с более высокой социальной уязвимостью, что создает альтернативные каналы радикализации.

Контент-анализ материалов, представленных в региональных исследованиях, свидетельствует о значительном объеме циркулирующего в сети радикального дискурса. В частности, изучение более 1,6 млн сообщений религиозной тематики (F.Irnazarov 2025) выявило наличие устойчивых нарративов, направленных на формирование протестной идентичности и оправдание насильственных практик. Основными каналами распространения выступают такие платформы как Telegram, YouTube и другие социальные сети, обеспечивающие высокий уровень анонимности и оперативности коммуникации.

Прежде всего установлено, что уровень проникновения интернета и цифровых технологий напрямую влияет на масштабы распространения радикального контента. В Казахстане и Узбекистане, где наблюдается относительно высокая

степень цифровой инфраструктуры, виртуальная среда выступает одним из ключевых каналов распространения экстремистских идей (G.Weimann, 2016). В этих странах фиксируется более активное использование социальных сетей и мессенджеров для трансляции идеологических материалов, а также для установления первичного контакта с потенциальными сторонниками (I.Awan, 2017). В то же время в Кыргызстане и Таджикистане влияние виртуального пространства тесно переплетается с офлайн-факторами, включая миграционные процессы и локальные социальные сети.

По данным онлайн-исследования SecDev Group, в цифровом пространстве было выявлено около 500 каналов и информационных площадок, связанных с экстремистской деятельностью в Центральной Азии. Для распространения материалов использовались различные социальные сети и видеохостинги, включая Telegram, Facebook, Instagram, Twitter и YouTube, а также российские платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники» (Violent Extremism in Central Asia, 2018).

Отдельного внимания заслуживает проблема вовлечения в радикальные сообщества граждан стран Центральной Азии, находящихся в трудовой миграции. Поиск работы за пределами своей страны, нестабильное материальное положение и сложности адаптации в принимающем обществе могут повышать социальную уязвимость отдельных категорий мигрантов. Дополнительное значение имеют сохраняющиеся связи с родственниками и земляками. Через уже существующие социальные контакты может происходить распространение радикальных материалов и установление контактов с потенциальными сторонниками. На эту особенность взаимодействия с молодежью и мигрантами обращается внимание и в международных исследованиях (Global Employment Trends for Youth, 2020).

В контексте Центральной Азии в научной литературе также упоминаются террористические организации, деятельность которых была связана с вооруженными конфликтами в Сирии и Ираке и сопровождалась активным использованием информационных ресурсов. К числу таких организаций относятся «Катибат аль-Имам Бухари», «Жаннат Ошиклари» (также известная как «Таухид валь-Джихад»), «Исламское государство», а также «Джабхат ан-Нусра» («Фронт ан-Нусра»). Их присутствие в цифровой среде рассматривается в исследованиях экстремизма и терроризма применительно к Центральной Азии (Violent Extremism in Central Asia, 2018).

Комплексное исследование N.Hamid, C.Ariza (2022), предоставляет редкую возможность связать путь радикализации и уже завершившимся террористическим актом. Это позволило сделать вывод об оценке уровня угрозы, возникающей в результате различных методов радикализации. Изучая поведение исключительно при совершении нападений, авторы создали базу данных, содержащую информацию о 439 джихадистах, действовавших в восьми западных странах в период с 2014 по 2020 год. Из них 54% были радикализированы преимущественно в офлайн-среде, 18% – в онлайн-среде, а для 9% удалось установить сочетание онлайн- и офлайн-влияний. Онлайн-радикализация, как правило, сопровождалась социальным взаимодействием. Только 2% выборки соответствовали пути, обозначенному как асоциальная онлайн-радикализация. Путь радикализации не удалось установить для 17% всех случаев.

Анализ показал, что во всех рассматриваемых странах виртуальное пространство выполняет функцию катализатора радикализации, усиливая уже существующие социальные и идеологические предпосылки. При этом формы и каналы распространения радикального контента имеют как сходства, так и различия. Наиболее универсальным инструментом остаются мессенджеры, обеспечивающие высокий уровень анонимности (Europol, 2021). Вместе с тем в Казахстане отмечается более развитая система мониторинга и блокировки противоправного контента, что в определенной степени ограничивает его распространение (Freedom House, 2023). В Узбекистане наблюдается усиление государственного контроля над информационным пространством, сопровождающееся нормативным регулированием цифровой среды (World Bank, 2022). В Кыргызстане контроль носит менее централизованный характер, что создаёт дополнительные возможности для функционирования неформальных онлайн-сообществ. В Таджикистане сохраняются альтернативные каналы доступа к радикальному контенту, включая использование зарубежных платформ (RFE/RL, 2021).

А. Аккаева (2017) отмечает, что террористические организации стали активнее использовать социальные сети и мессенджеры для распространения информационных материалов и поддержания контактов с аудиторией. В числе используемых площадок исследователь выделяет как международные социальные сети Facebook и Twitter, так и популярные среди русскоязычной аудитории «ВКонтакте» и «Одноклассники», а

также мессенджеры WhatsApp и Telegram.

Доступность цифровых платформ расширяет возможности взаимодействия террористических организаций с потенциальными сторонниками. В онлайн-среде они могут обращаться к широкому кругу пользователей и распространять материалы, ориентированные на людей, испытывающих социальную или личную неудовлетворенность. По мнению Т. Waskiewicz (2012), подобное взаимодействие может использоваться для постепенного формирования лояльности к радикальным идеям и последующего вовлечения отдельных лиц в экстремистскую деятельность.

Особое внимание в ходе исследования было уделено механизмам вовлечения в террористическую деятельность. Установлено, что в Казахстане преобладает модель индивидуальной

онлайн-радикализации, при которой пользователь самостоятельно потребляет экстремистский контент (P. Neumann, 2013). В Кыргызстане и Таджикистане более выражена сетевая форма вовлечения, предполагающая участие в онлайн-группах и сообществах (UNODC, 2021). В Узбекистане наблюдается комбинированная модель, сочетающая элементы индивидуальной и групповой радикализации.

Проведенный сравнительный анализ (Таблица 4) показывает, что ключевыми стимулом радикализации в регионе выступают социально-экономические диспропорции, миграционные процессы и цифровая среда, при этом степень их влияния варьируется в зависимости от политического режима и уровня государственного контроля.

Таблица 4

Сравнительный анализ факторов радикализации в странах Центральной Азии

Факторы	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан
Социально-экономические	Безработица в отдельных регионах, неравенство	Высокая трудовая миграция, бедность	Контролируемая экономика, безработица среди молодежи	Массовая миграция, низкие доходы	Закрывающаяся экономика, ограниченные возможности
Политические	Контролируемая политическая система	Относительный плюрализм+ нестабильность	Жесткий контроль государства	Авторитаризм, слабые институты	Крайне закрытая система
Религиозные факторы	Рост интереса к исламу, влияние внешних течений	Активная религиозная среда	Строгий контроль религиозной сферы	Сильная исламизация общества	Жесткое ограничение религии
Виртуальная радикализация	Активное использование соцсетей	Высокая цифровая уязвимость	Контроль интернета, но рост обходных путей	Активная онлайн вербовка	Ограниченный интернет, но слабая альтернатива
Миграция	Внутренняя и внешняя миграция	Массовая трудовая миграция (Россия)	Трудовая миграция	Критическая высокая зависимость от миграции	Ограниченная мобильность
Влияние внешних акторов	Среднее (религиозные и идеологические потоки)	Высокое (через диаспоры)	Контролируемое влияние	Высокое (Афганистан, транснациональные сати)	Минимальное (изоляция)
Уровень образования и критического мышления	Средний (разрыв между городом и селом)	Неравномерный	Улучшается, но есть пробелы	Низкий в регионах	Ограниченный доступ к альтернативной информации
Опыт конфликтов/насилия	Низкий (единичные инциденты)	Этнические конфликты в прошлом	Исторический опыт борьбы с экстремизмом	Гражданская война (историческое наследие)	Практически отсутствует
Роль силовых структур	Активный контроль	Ограниченные ресурсы	Очень жесткий контроль	Сильная зависимость от силовых методов	Тотальный контроль

Примечание. Данная таблица составлена автором на основе данных Asian Studies Association. (n.d.). Terrorism in Central Asia: Dynamics, dimensions, and sources. United Nations Office of Counterterrorism in Central Asia, World Bank (2020). Strengthening youth resilience to radicalization: Evidence from Tajikistan. United Nations (2025). Regional expert group meeting on terrorism and foreign terrorist fighters in Central Asia

Как видно из таблицы, факторы радикализации в странах Центральной Азии имеют как сходства, так и существенные различия. Общими для региона являются влияние цифровизации и транснациональных факторов, однако в Казахстане преобладает онлайн-радикализация, тогда как в Кыргызстане и Таджикистане ключевую роль играют социально-экономические и миграционные процессы. В Узбекистане значительное влияние оказывает государственная политика в религиозной сфере, формирующая специфические механизмы контроля и трансформации радикальных практик.

Существенным фактором привлечения к террористической деятельности в виртуальном пространстве как ранее отмечалось является трудовая миграция. Для Кыргызстана и Таджикистана данный аспект имеет особое значение, поскольку значительная часть населения находится за пределами страны и активно использует цифровые каналы коммуникации (ILO, 2020). В таких условиях радикализация может происходить вне национального правового поля, что усложняет процессы профилактики и противодействия. Сравнительный анализ также показал зависимость между уровнем государственного контроля и формами проявления онлайн-радикализации. В странах с более жестким регулированием наблюдается смещение активности в закрытые каналы коммуникации, тогда как при менее строгом контроле радикальный контент распространяется более открыто, но легче выявляется (G.Weimann, 2016).

Обсуждая полученные результаты, следует отметить, что виртуальное пространство не является самостоятельной причиной радикализации, а функционирует в тесной взаимосвязи с социальными, экономическими и политическими факторами (UNDP, 2019). Его роль заключается в ускорении процессов распространения идеологии, расширении аудитории и снижении барьеров для вовлечения.

Результаты анализа свидетельствуют о наличии как общих региональных закономерностей, так и существенных межстрановых различий. К числу универсальных факторов относятся социально-экономическая уязвимость, рост цифровизации и влияние транснациональных экстремистских сетей (International Crisis Group, 2022; UNODC, 2021). Однако степень их проявления и механизмы воздействия существенно различаются.

Если с точки зрения социально-экономических условий, в Кыргызстане и Таджикистане

миграционный фактор играет определяющую роль, поскольку значительная часть населения вовлечена в трудовую миграцию, что формирует транснациональные каналы распространения радикальных идей (ILO, 2020; Lemon, 2019), то в Казахстане и Узбекистане влияние данного фактора менее выражено, что смещает акцент на внутренние процессы радикализации.

Политико-институциональные различия также оказывают значительное влияние. В Казахстане и Узбекистане наблюдается более высокий уровень государственного контроля над религиозной и информационной сферами, что ограничивает открытое распространение экстремистского контента (Freedom House, 2023; World Bank, 2022). Вместе с тем, как отмечается в исследованиях, усиление контроля приводит к миграции радикальных коммуникаций в закрытые цифровые каналы (M. Conway, 2017). В Кыргызстане контроль носит менее централизованный характер, тогда как в Таджикистане формально жесткая политика сочетается с наличием альтернативных каналов доступа к информации (RFE/RL, 2021).

Особое значение имеет цифровой фактор. Виртуальное пространство выступает ключевым инструментом трансформации радикализации, обеспечивая доступ к идеологическим ресурсам и расширяя аудиторию (I.Awan, 2017; G.Weimann, 2016). В Казахстане и Узбекистане, где уровень цифровизации выше, наблюдается рост индивидуальной онлайн-радикализации. В Кыргызстане и Таджикистане цифровая среда интегрирована в социальные и миграционные сети, формируя гибридные модели вовлечения (UNDP, 2019).

Анализ активности экстремистских групп в социальных сетях показывает, что интенсивность их присутствия в цифровой среде существенно различается. Согласно приведенным данным, в июле 2020 г. наиболее заметная активность наблюдалась у ресурсов, связанных с «Исламским государством», включая его подразделение «ИГ-Хорасан». На тот период было зафиксировано более 174 каналов с общей аудиторией свыше 66 тыс. подписчиков. Значительное присутствие в сети отмечалось также у «Хайат Тахрир аш-Шам» – 119 каналов и около 50 тыс. подписчиков. У других исследуемых групп количество подписчиков находилось в диапазоне от 1 до 16 тыс. При этом приведенные показатели нельзя рассматривать как точную характеристику численности лиц, вовлеченных в деятельность экс-

тремистских организаций. Количество подписчиков и число выявленных каналов отражают прежде всего масштаб их присутствия в цифровой среде и не позволяют установить реальное число активных сторонников. Дополнительную сложность для оценки создает использование закрытых и зашифрованных каналов коммуникации, в том числе Telegram. Как отмечают А. Муратова и соавторы (2023), в Telegram-каналах и других социальных сетях распространяются материалы, содержащие оправдание насилия и призывы к его применению для достижения политических и идеологических целей. Часть такого контента ориентирована непосредственно на аудиторию стран Центральной Азии, что указывает на необходимость учитывать региональную специфику при исследовании цифровой активности экстремистских организаций.

Сравнительный анализ также выявил зависимость между уровнем государственного контроля и формами проявления радикализации. В условиях жесткого регулирования радикальная активность смещается в закрытые и анонимные каналы, тогда как при более либеральной среде она может проявляться открыто, но легче поддается мониторингу (G.Weimann, 2016).

Широкая доступность Интернет-ресурсов обуславливает необходимость учитывать влияние цифровой среды при изучении распространения радикальных идей. Одним из аспектов этой проблемы является присутствие в сети материалов, содержащих высказывания, направленные на разжигание ненависти. Результаты ряда исследований свидетельствуют о том, что молодые пользователи достаточно часто сталкиваются с подобным контентом. Так, в работах K. Saha и соавторов (2019), а также M. Costello и соавторов (2020) приводятся данные о том, что с материалами подобного характера периодически сталкиваются около 40–50 % молодых людей. Сам факт знакомства с подобными материалами, однако, не означает автоматического перехода пользователя к радикальным установкам. Вместе с тем регулярное присутствие агрессивного и экстремистского контента в цифровой среде расширяет возможности его распространения и потенциального воздействия на аудиторию. Поэтому изучение механизмов восприятия такого контента и его возможной связи с процессами радикализации представляет самостоятельное направление современных исследований.

Таким образом, радикализация в странах Центральной Азии представляет собой много-

мерный процесс, формируемый взаимодействием различных факторов. Виртуальное пространство не является первопричиной, однако выполняет функцию катализатора, усиливающего существующие социальные и политические уязвимости (UNDP, 2019; International Crisis Group, 2022). Выявленные различия подтверждают необходимость разработки дифференцированных стратегий противодействия радикализации с учётом национальной специфики.

Заключение

Широкое распространение Интернета и активное участие пользователей, государственных и негосударственных организаций в цифровом пространстве стали характерной особенностью современного информационного общества. Такая ситуация одновременно расширяет возможности коммуникации и создает новые задачи в сфере национальной безопасности. Одной из них остается противодействие распространению экстремистских и террористических идей в сети.

Онлайн-радикализация представляет собой самостоятельное направление исследований, поскольку Интернет может использоваться на различных этапах формирования радикальных установок. Вместе с тем влияние цифровой среды не следует переоценивать. Хотя случаи радикализации, связанные с активным использованием Интернет-ресурсов, действительно фиксируются, их масштабы и уровень угрозы в ряде исследований оцениваются как менее значительные по сравнению с некоторыми традиционными формами радикализации. Это позволяет рассматривать онлайн-среду скорее как один из факторов данного процесса, взаимодействующий с социальными, экономическими и другими обстоятельствами. Следует отметить, что приведённые данные в исследовании носят оценочный характер, что обусловлено сложностью точного учёта лиц, вовлечённых в транснациональные экстремистские сети, особенности характера их деятельности.

В последние годы все большее внимание уделяется сетевому характеру организации террористических и экстремистских групп. Такая модель предполагает наличие центрального звена и отдельных автономных групп, которые могут сохранять относительную самостоятельность, одновременно поддерживая связи между собой и с другими элементами сети. Подобная структура позволяет организациям адаптиро-

ваться к изменениям внешней среды и сохранять коммуникацию даже при нарушении отдельных каналов взаимодействия. Распространение социальных сетей значительно изменило способы коммуникации подобных групп с потенциальной аудиторией. Цифровые платформы используются для публикации идеологических материалов, установления контактов с пользователями и привлечения новых сторонников. Отсутствие территориальных ограничений при передаче информации позволяет обращаться к аудитории, находящейся в разных странах, что имеет особое значение для транснациональных террористических сетей.

Для государств Центральной Азии данная проблема также представляет практический и исследовательский интерес. Активность террористических групп в цифровой среде создает дополнительные возможности для распространения радикальной идеологии среди пользователей стран региона. В связи с этим анализ социальных сетей и других Интернет-ресурсов может использоваться как один из инструментов изучения структуры коммуникаций, характера

распространяемого контента и способов взаимодействия террористических групп с аудиторией.

Несмотря на принимаемые в странах Центральной Азии меры по противодействию распространению экстремистских материалов в сети, цифровая составляющая террористической угрозы сохраняет актуальность. В этих условиях особое значение приобретает развитие методов мониторинга информационного пространства, изучение механизмов распространения радикального контента и оценка его воздействия на различные социальные группы. При этом меры информационного противодействия целесообразно разрабатывать с учетом особенностей цифровой коммуникации и специфики общественно-политической ситуации в каждой стране региона. Задача заключалась в исследовании подходов террористических группировок к привлечению своих последователей, проведение анализа их деятельности в виртуальном пространстве. Таким образом, данное направление анализа в академической среде представляется особенно важным для дальнейшего развития этой области исследования.

Литература

- Аккаева, Х. А. (2017). Использование террористическими и экстремистскими организациями социальных сетей. *Проблемы в российском законодательстве*, (3), 23–25.
- Бейсембаев, С. (2016, 27 июля). *Специфика и факторы радикализации молодежи в условиях Казахстана*. CABAR.asia. <https://cabar.asia/ru/serik-bejsembaev-spetsifika-i-factory-radikalizatsii-molodezhi-v-usloviyah-kazahstana/>
- Добаев, И. П. (2018). Основные направления усиления противодействия терроризму в молодежной среде России в идеологической сфере. *Россия и мусульманский мир*.
- Карин, Е. (2020). *Операция «Жусан»*.
- Карин, Е., & Зенн, Д. (2017). *Между ИГИЛ и Аль-Каидой: Центральноазиатские боевики в Сирийской войне*.
- Мурадова, А. Г., Таяновский, М. В., & Сэнсук, Д. (2023). Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ. *Постсоветские исследования*, 6(1).
- Мухатаева, Г. (2021). Траектория религиозной радикализации. *Вестник КазНУ. Серия религиоведения*, 4(28). <https://doi.org/10.26577/EJRS.2021.v28.i4.r8>
- Насритдинов, Э., Урманбетова, З., Мурзахалилов, К., & Мырзабаев, М. (2019). *Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: Анализ в пяти сферах жизни* (САР № 213). НИИ исламоведения.
- Теракт в Актобе произошел по призыву лидера ИГ — МИД Казахстана. (2016). БелТА. <https://belta.by/world/view/terakt-v-aktobe-proizoshel-po-prizyvu-lidera-ig-mid-kazahstana-198208-2016/>
- Тулеев, М. С. (2017а). Некоторые аспекты использования интернет-ресурсов для пропаганды терроризма и привлечения молодежи к экстремистской идеологии в странах Центральной Азии. *Вестник КPCY*, 11(6), 190–193.
- Тулеев, М. С. (2017б). Распространение идеи терроризма и экстремизма в Интернете как фактор угроз национальной безопасности стран Центральной Азии. *Вестник КPCY*, 11(6), 194–197.
- Черных, И. (2014). *Интернет-коммуникации в Казахстане: степень мобилизационного потенциала (по результатам социологического исследования)*. КИСИ при Президенте РК.
- Zakon.kz. (2015, August 27). *700 экстремистских интернет-сайтов заблокировано в РК*. <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4738293-700-jekstremistskikh-internet-sajtov.html>
- Alava, S., Frau-Meigs, D., & Hassan, G. (2017). *Youth and violent extremism on social media: Mapping the research*. UNESCO. <https://doi.org/10.54675/STTN2091>
- Awan, I. (2017). Cyber-extremism: ISIS and the power of social media. *Society*, 54(2), 138–149. <https://doi.org/10.1007/s12115-017-0114-0>

- Bertram, L. (2016). Terrorism, the Internet and the social media advantage: Exploring how terrorist organizations exploit aspects of the Internet, social media and how these same platforms could be used to counter-violent extremism. *Journal for Deradicalization*, (7), 225–252.
- Castells, M. (1996). *The rise of the network society* (Vol. 1). Blackwell.
- Cronin, A. K. (2020). *Power to the people: How open technological innovation is arming tomorrow's terrorists*. Oxford University Press.
- Evans, A. T., & Williams, H. J. (2022, April 25). *Extremist use of online spaces* [Testimony]. RAND Corporation. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/CTA1400/CTA1458-1/RAND_CTA1458-1.pdf
- Freedom House. (2023). *Freedom on the Net report*.
- Gill, P., Corner, E., Conway, M., Thornton, A., Bloom, M., & Horgan, J. (2017). Terrorist use of the Internet by the numbers: Quantifying behaviors, patterns, and processes. *Criminology & Public Policy*, 16(1), 99–117. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12249>
- International Crisis Group. (2022). *Central Asia and the threat of violent extremism*.
- International Labour Organization. (2020a). *Global employment trends for youth 2020: Europe and Central Asia*. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_737674.pdf
- International Labour Organization. (2020b). *Labour migration in Central Asia*.
- Irnozardov, F. (2025). *Youth and digital technology in Central Asia: A comparative analysis of Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- Jamil et al. (2025). Social media as a catalyst for future terrorist recruitment: A bibliometric analysis of emerging trends and countermeasures. *Indonesian Journal of Counter Terrorism and National Security*, 4(2), 227–274. <https://doi.org/10.15294/ijctns.v4i2.30287>
- Klausen, J. (2015). Tweeting the jihad: Social media networks of Western foreign fighters in Syria and Iraq. *Studies in Conflict & Terrorism*, 38(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.974948>
- Lemon, E. (2024). Foreign fighters and international peace: Joining global jihad and marching back home. *Central Asian Survey*, 43(3), 437–438. <https://doi.org/10.1080/02634937.2024.2354452>
- Meleagrou-Hitchens, A., & Kaderbhai, N. (2017). *Research perspectives on online radicalisation: A literature review, 2006–2016*. VOX-Pol.
- Moghaddam, F. M. (2005). The staircase to terrorism: A psychological exploration. *American Psychologist*, 60(2), 161–169. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.2.161>
- Neumann, P. R. (2013a). Radikalisierung, Deradikalisierung und Extremismus. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 63(29–31), 3–10.
- Neumann, P. R. (2013b). The trouble with radicalization. *International Affairs*, 89(4), 873–893.
- Omelicheva, M. Y. (2013). Terrorism in Central Asia: Dynamics, dimensions, and sources. *Education About Asia*, 18(3). <https://doi.org/10.65959/ea.1229>
- RFE/RL. (2021). *Internet restrictions in Tajikistan*.
- Sageman, M. (2008). *Leaderless jihad: Terror networks in the twenty-first century*. University of Pennsylvania Press.
- Saha, K., Chandrasekharan, E., & De Choudhury, M. (2019). Prevalence and psychological effects of hateful speech in online college communities. *Proceedings of the ACM Web Science Conference 2019*, 255–264. <https://doi.org/10.1145/3292522.3326032>
- Schmid, A. P. (1983). *Political terrorism: A research guide to concepts, theories, data bases and literature*.
- SecDev Group, & Public Foundation Civil Initiative on Internet Policy. (2018). *Violent extremism in Central Asia 2018: A preliminary survey of groups, digital dimensions and state responses*.
- Smith, L. G. E., Wakeford, L., Cribbin, T. F., Barnett, J., & Hou, W. K. (2020). Detecting psychological change through mobilizing interactions and changes in extremist linguistic style. *Computers in Human Behavior*, 108, Article 106298. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106298>
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Nelson-Hall.
- United Nations. (2025). *Regional expert group meeting on terrorism and foreign terrorist fighters in Central Asia*.
- United Nations Development Programme. (2019). *Journey to extremism in Asia and the Pacific*.
- United Nations Office on Drugs and Crime. (2021). *Countering terrorism in Central Asia*.
- Wakeford, L., & Smith, L. G. E. (2020). Islamic State's propaganda and social media: Dissemination, support, and resilience. In S. J. Baele, K. A. Boyd, & T. G. Coan (Eds.), *ISIS propaganda: A full-spectrum extremist message* (pp. 155–187). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190932459.003.0006>
- Waskiewicz, T. V. (2012). *Friend of a friend influence in terrorist social networks*. Air Force Research Laboratory.
- Weimann, G. (2014). *New terrorism and new media*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/STIP_140501_new_terrorism_F.pdf
- Weimann, G. (2016). *Terrorism in cyberspace: The next generation*. Columbia University Press.
- Weimann, G., & Dimant, R. (2023). The metaverse and terrorism: Threats and challenges. *Perspectives on Terrorism*, 17(2), 92–107.
- World Bank. (2022). *Digital development in Central Asia*.

References

- Akkaeva, H. A. (2017). Ispol'zovanie terroristicheskimi i ekstremistskimi organizatsiyami sotsial'nykh setey [The use of social networks by terrorist and extremist organizations]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, (3), 23–25.
- Alava, S., Frau-Meigs, D., & Hassan, G. (2017). *Youth and violent extremism on social media: Mapping the research*. UNESCO. <https://doi.org/10.54675/STTN2091>
- Awan, I. (2017). Cyber-extremism: ISIS and the power of social media. *Society*, 54(2), 138–149. <https://doi.org/10.1007/s12115-017-0114-0>
- Beisembaev, S. (2016, July 27). *Spetsifika i faktory radikalizatsii molodezhi v usloviyakh Kazakhstana* [Specific features and factors of youth radicalization in Kazakhstan]. CABAR.asia. <https://cabar.asia/ru/serik-beisembaev-spetsifika-i-factory-radikalizatsii-molodezhi-v-usloviyah-kazakhstana/>
- Bertram, L. (2016). Terrorism, the Internet and the social media advantage: Exploring how terrorist organizations exploit aspects of the Internet, social media and how these same platforms could be used to counter-violent extremism. *Journal for Deradicalization*, (7), 225–252.
- Castells, M. (1996). *The rise of the network society* (Vol. 1). Blackwell.
- Chernykh, I. (2014). *Internet-kommunikatsii v Kazakhstane: stepen' mobilizatsionnogo potentsiala (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Internet communications in Kazakhstan: The degree of mobilization potential based on the results of a sociological study]. KISI pri Prezidente RK.
- Cronin, A. K. (2020). *Power to the people: How open technological innovation is arming tomorrow's terrorists*. Oxford University Press.
- Dobaev, I. P. (2018). Osnovnye napravleniya usileniya protivodeystviya terrorizmu v molodezhnoy srede Rossii v ideologicheskoy sfere [Main directions for strengthening ideological counterterrorism efforts among Russian youth]. *Rossiya i musul'manskiy mir*.
- Europol. (2021). *European Union terrorism situation and trend report 2021 (TE-SAT)*.
- Evans, A. T., & Williams, H. J. (2022, April 27). *Extremist use of online spaces*. RAND Corporation. <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1458-2.html>
- Freedom House. (2023). *Freedom on the Net 2023*.
- Gill, P., Corner, E., Conway, M., Thornton, A., Bloom, M., & Horgan, J. (2017). Terrorist use of the Internet by the numbers: Quantifying behaviors, patterns, and processes. *Criminology & Public Policy*, 16(1), 99–117. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12249>
- Gurr, T. R. (2015). *Why men rebel*. Routledge.
- Hamid, N., & Ariza, C. (2022). *Offline versus online radicalisation: Which is the bigger threat?* Global Network on Extremism & Technology.
- International Crisis Group. (2022). *Central Asia and the threat of violent extremism*.
- International Labour Organization. (2020a). *Global employment trends for youth 2020: Europe and Central Asia*. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_737674.pdf
- International Labour Organization. (2020b). *Labour migration in Central Asia*.
- Imnazarov, F. (2025). *Youth and digital technology in Central Asia: A comparative analysis of Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- Jamil et al. (2025). Social media as a catalyst for future terrorist recruitment: A bibliometric analysis of emerging trends and countermeasures. *Indonesian Journal of Counter Terrorism and National Security*, 4(2), 227–274. <https://doi.org/10.15294/ijctns.v4i2.30287>
- Karin, E. (2020). *Operatsiya «Zhusan»* [Operation “Zhusan”].
- Karin, E., & Zenn, D. (2017). *Mezhu IGIL i Al-Kaidoy: Tsentral'noaziatskie boeviki v Siriyskoy voyne* [Between ISIS and Al-Qaeda: Central Asian militants in the Syrian war].
- Klausen, J. (2015). Tweeting the jihad: Social media networks of Western foreign fighters in Syria and Iraq. *Studies in Conflict & Terrorism*, 38(1), 1–22. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.974948>
- Lemon, E. (2024). Foreign fighters and international peace: Joining global jihad and marching back home. *Central Asian Survey*, 43(3), 437–438. <https://doi.org/10.1080/02634937.2024.2354452>
- Meleagrou-Hitchens, A., & Kaderbhai, N. (2017). *Research perspectives on online radicalisation: A literature review, 2006–2016*. VOX-Pol.
- Moghaddam, F. M. (2005). The staircase to terrorism: A psychological exploration. *American Psychologist*, 60(2), 161–169. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.2.161>
- Mukhataeva, G. (2021). Traektoriya religioznoy radikalizatsii [The trajectory of religious radicalization]. *Vestnik KazNU. Seriya religiovedeniya*, 4(28). <https://doi.org/10.26577/EJRS.2021.v28.i4.r8>
- Muradova, A. G., Tayanovskii, M. V., & Sensuk, D. (2023). Sotsial'nye seti kak instrument dlya propagandy terrorizma i protivodeystvie terroristicheskimi strukturam v SMI v stranakh SNG [Social networks as a tool for terrorist propaganda and countering terrorist structures in the media of CIS countries]. *Postsovetskie issledovaniya*, 6(1).
- Nasritdinov, E., Urmanbetova, Z., Murzakhalilov, K., & Myrzabaev, M. (2019). *Uyazvimost' i ustoychivost' molodykh lyudey v Kyrgyzstane k radikalizatsii i ekstremizmu: analiz v pyati sferakh zhizni* [Vulnerability and resilience of young people in Kyrgyzstan to radicalization and extremism: An analysis across five areas of life] (SAR No. 213). NII islamovedeniya.
- Neumann, P. R. (2013a). Radikalisierung, Deradikalisierung und Extremismus. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 63(29–31), 3–10.

- Neumann, P. R. (2013b). The trouble with radicalization. *International Affairs*, 89(4), 873–893.
- Omelicheva, M. Y. (2013). Terrorism in Central Asia: Dynamics, dimensions, and sources. *Education About Asia*, 18(3). <https://doi.org/10.65959/ea.1229>
- RFE/RL. (2021). *Internet restrictions in Tajikistan*.
- Sageman, M. (2008). *Leaderless jihad: Terror networks in the twenty-first century*. University of Pennsylvania Press.
- Saha, K., Chandrasekharan, E., & De Choudhury, M. (2019). Prevalence and psychological effects of hateful speech in online college communities. *Proceedings of the 10th ACM Conference on Web Science*, 255–264. <https://doi.org/10.1145/3292522.3326032>
- Schmid, A. P. (1983). *Political terrorism: A research guide to concepts, theories, data bases and literature*.
- SecDev Group, & Public Foundation Civil Initiative on Internet Policy. (2018). *Violent extremism in Central Asia 2018: A preliminary survey of groups, digital dimensions and state responses*.
- Smith, L. G. E., Wakeford, L., Cribbin, T. F., Barnett, J., & Hou, W. K. (2020). Detecting psychological change through mobilizing interactions and changes in extremist linguistic style. *Computers in Human Behavior*, 108, Article 106298. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106298>
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Nelson-Hall.
- Terakt v Aktobe proizoshel po prizvyu lidera IG — MID Kazakhstana [The Aktobe terrorist attack occurred following a call by the ISIS leader—Kazakhstan's Foreign Ministry]. (2016). BelTA. <https://belta.by/world/view/terakt-v-aktobe-proizoshel-po-prizvyu-lidera-ig-mid-kazakhstana-198208-2016/>
- Tuleev, M. S. (2017a). Nekotorye aspekty ispol'zovaniya internet-resursov dlya propagandy terrorizma i privlecheniya molodezhi k ekstremistskoy ideologii v stranakh Tsentral'noy Azii [Some aspects of using Internet resources for terrorist propaganda and recruiting young people to extremist ideology in Central Asian countries]. *Vestnik KRSU*, 11(6), 190–193.
- Tuleev, M. S. (2017b). Rasprostraneniye idey terrorizma i ekstremizma v Internete kak faktor ugrozy natsional'noy bezopasnosti stran Tsentral'noy Azii [The dissemination of terrorist and extremist ideas on the Internet as a threat to the national security of Central Asian countries]. *Vestnik KRSU*, 11(6), 194–197.
- United Nations. (2025). *Regional expert group meeting on terrorism and foreign terrorist fighters in Central Asia*.
- United Nations Development Programme. (2019). *Journey to extremism in Asia and the Pacific*.
- United Nations Office on Drugs and Crime. (2021). *Countering terrorism in Central Asia*.
- Wakeford, L., & Smith, L. G. E. (2020). Islamic State's propaganda and social media: Dissemination, support, and resilience. In S. J. Baele, K. A. Boyd, & T. G. Coan (Eds.), *ISIS propaganda: A full-spectrum extremist message* (pp. 155–187). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190932459.003.0006>
- Waskiewicz, T. V. (2012). *Friend of a friend influence in terrorist social networks*. Air Force Research Laboratory.
- Weimann, G. (2014). *New terrorism and new media*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/STIP_140501_new_terrorism_F.pdf
- Weimann, G. (2016). *Terrorism in cyberspace: The next generation*. Columbia University Press.
- Weimann, G., & Dimant, R. (2023). The metaverse and terrorism: Threats and challenges. *Perspectives on Terrorism*, 17(2), 92–107.
- World Bank. (2022). *Digital development in Central Asia*.
- Zakon.kz. (2015, August 27). 700 ekstremistskikh internet-saytov zablokirovano v RK [700 extremist websites blocked in Kazakhstan]. <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4738293-700-jekstremistskikh-internet-sajtov.html>

Автор туралы мәлімет:

Түлеев Мұрат Сергазиевич – халықаралық қатынастар саласының PhD докторы, Қазақстан Республикасы ұлттық қауіпсіздік академиясы (Алматы, Қазақстан, email: muratkemer65@mail.ru).

Information about the author:

Murat Tuleyev – PhD in field of International Relations, Academy of National Security of the Republic of Kazakhstan, Doctor, (International Relations) (Almaty, Kazakhstan, email: muratkemer65@mail.ru).

Информация об авторе:

Түлеев Мурат Сергазиевич – доктор PhD в области международных отношений, Академия комитета национальной безопасности Республики Казахстан (Алматы, Казахстан, email: muratkemer65@mail.ru).

Поступила 26 мая 2026 г.
Поступила после доработки 1 июля 2026
Принята 7 сентября 2026 г.